

различный научный уровень включенных в него лемм.

Возможно, в ходе создания последующих томов молодой коллектив приобретет определенный опыт и будет более строго относиться к отбору включаемого в них материала. Предельно велика здесь роль редактора. В конечном счете он создает авторский коллектив, компанует написанное, по возможности формирует единый подход к включаемому в Лексикон материалу, определяет и научный уровень издания.

Но и в данном состоянии рецензируемый том Лексикона представляет собой определенный интерес в качестве просопографического справочника по широкому кругу лиц, связанных с историей и культурой Византии. Данный том было бы желательно переиздать со многими исправлениями и добавлениями. Был бы желателен и испанский сотрудник для написания статьи о Алмогавах. О турецком же сотруднике можно только мечтать...

В.П. Степаненко, Х.-Ф. Байер

PLP: Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit

Завершено многотомное издание возглавляемой Г. Хунгером Комиссии по византистике Австрийской АН "Просопографического лексикона Палеологовского времени". Проект осуществлен Э. Траппом при участии Р. Вальтера, Г.-Ф. Байера, К. Штурм-Шнабля, И. Леонтиадиса, С. Капланериса. В подготовке отдельных томов принимали участие также В. Зайбт, М. Валк, Э. Кислингер, А. Нейхольд и др. Первые выпуски Лексикона уже рецензировались на страницах "Византийского временника"¹ и заслуженно получили высокие оценки. Все издание включает в себя 12 томов самого Лексикона², несколько фасцикулов дополнений³, а также генеральный индекс сокращений источников с указателями имен, терминов, лексем⁴. Издание всего проекта заняло два десятилетия, и настала пора поздравить его исполнителей как с завершением многолетнего труда, так и с отличными результатами.

Итак, в фундаментальном своде доскональнейшим образом представлены досье на более чем 35 тыс. персоналий. Каждый из упоминаемых в источниках человек описан в этом досье с максимальной полной информацией, сохраненной о нем в текстах –

нарративных и актовых, рукописных и эпиграфических, на печатях, граффити и т.д. Приводятся данные *cursus honorum*, хронология жизни и деятельности, упоминания современников; указаны источники свидетельств, наконец, в леммах Лексикона обсуждаются просопографические, генеалогические, хронологические, ономастические проблемы, связанные с описываемым лицом. Хотя основные принципы обработки информации сохранялись, с течением времени издание совершенствовалось – прежде всего технически. По мере продвижения работы все увеличивалось число привлекаемых текстов источников, их публикаций, ссылок на них, так что представленный в завершающем томе-регистре список источников занимает 70 страниц *in folio* и можно считать практически исчерпывающим.

Наибольшее количество лемм Лексикона приходится на семьи Ангелов, Апокавков, Аргиропулов, Вранов, Гавалов, Гавров, Кавасилов, Кантакузинов, Комнинов, Ласкарей, Ксантопулов, Палеологов, Хумнов и др. Для славистов интересно, что среди личных имен (прозвищ?) в Палеологовской Византии встречались и славянские. Более 40 лемм непосредственно свя-

¹ ВВ. 1978. Т. 39. С. 273–276; 1981. Т. 42. С. 233–234.

² Prosopographisch hes Lexikon der Palaiologenzeit (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik / Hrg.v.H. Hunger. Bd. I/1–12). 5. Fasz. / Erst.v.E. Trapp, Mit. R. Walther, H.-V. Beyer. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 231 S.; 6. Fasz. / Erst.v.E. Trapp, Mit.H.-V. Beyer, K. Sturm-Schnabl. 1983, 224 S.; 7. Fasz. / Erst.v.E. Trapp, Mit.H.-V. Beyer. 1985, 234 S.; Fasz. 9 / Erst.v.E. Trapp, Mit. H.-V. Beyer, S. Kaplaneres. 1989, 216 S.; Fasz. 12 / Erst.v.E. Trapp, Mit.H.-V. Beyer, I.G. Leontiades, S. Kaplaneres. 1994, 267 S. (других томов не получено).

³ Addenda / Erst.v.E. Trapp, Mit.R. Walter, H.-V. Beyer. 1981. 34 S. + Register; Addenda zu Fasz. 1–12. Erst.v.E. Trapp, H.-V. Beyer, I.G. Leontiades. 1995. 140 S.

⁴ Abkürzungsverzeichnis und Register zum PLP 1.–6. Fasz. u. Add. 1983. 231 S.; Abkürzungsverzeichnis und Gesamtregister / Erst.v.E. Trapp, Bearb.H.-V. Beyer, 1996. 593 S.

заны с Русью. Тома индексов имеют важнейшее самостоятельное значение, ибо списки упоминаемых профессий, должностей, сфер деятельности, а также географических названий городов, сел, областей в сумме дают интереснейший статистический частотный материал.

Все это определяет несомненную ценность издания в качестве *instrumentum studiosum*. Однако не только в качестве справочного пособия выделяется рецензируемая серия. На базе обобщенных данных возможно уже сейчас сделать определенные выводы демографо-социологического порядка. Это касается, например, проблемы удельного веса иноземцев в поздневизантийской государственной элите. Так, оказывается возможным проследить, какие иноземные фамилии, известные в македонско-комниновской Византии (а не просто отдельные личности и не наемники типа Харальда Хардрада) сохранились и при Палеологах и в какой позиции. Важность подобной постановки вопроса обусловлена рядом факторов. Во-первых, многочисленными этническими переменами в результате IV Крестового похода, балканских войн (Калоян), сербского возвышения на субконтиненте (Стефан Душан), "итальянизацией" экономической жизни Средиземноморья со всеми вытекающими отсюда последствиями и для Византии. Во-вторых, особенностями развития самой византийской элиты, знавшего то периоды открытые для проникновения иноземцев, то периоды для них закрытые; за это время возникают патронимы, потом формируется клан Комнинов, а затем уже в новых условиях – династия Палеологов (с адсорбцией других знатных линьяжей в единый правящий клан, с одной стороны, и закрытостью на определенный период в XIV в. государственной элиты, – с другой). В-третьих, спецификой византийского сознания своего тождества, когда носители того или иного этноса не

выделяли себя, а с другой стороны, не подчеркивалось и "эллинское" происхождение ромея. В-четвертых, необходимостью определить удельный вес семей иноземного происхождения в византийской государственной элите и его изменения. В-пятых, задачей очертить территориальное распространение иноземной по происхождению знати (ее владений, местонахождения, районов и сфер деятельности).

Накладываемые ограничения на верификацию результатов на данной стадии изучения проблемы самоочевидны. Это определяется и предварительным характером наблюдений, и неизбежностью погрешностей, ибо от одной идентификации часто зависит общая статистика. Кроме того, при сознании необходимости включения в сферу изучения проблемы места данной семьи в родной ей этнической среде (в армянской, итальянской, славянской, грузинской и т.п.) сейчас пока приходится ограничиться исследованием ситуации только в самой Византии. Имеет место и трудность различения иноплеменной по происхождению, но уже византийской (эллинизированной в большей или меньшей степени) знати, с одной стороны, и вассалов и союзников, выступавших на стороне Византии, но не инкорпорировавшихся в ее состав, – с другой.

При всех ограничениях и оговорках подобный анализ, произведенный во многом на базе данных Лексикона палеологовской просопографии, – дело реальное и продуктивное.

Вслед за завершившейся серией готовятся в путь новые, издаваемые тем же кругом ученых. Это – и словарь латинизмов, и свод грецизмов. Хочется пожелать новым проектам удачной судьбы, выпавшей на долю "Просопографического лексикона Палеологовского времени".

М.В. Бибииков

In Search of Byzantium. A Biography. The Life of Robert Pierpont Blake // Ed. by Igor Robert Blake. s.l., 1996. 244 p.

Эта практически "самодельная" книга, не отличающаяся полиграфическими достоинствами и изобилующая фактическими ошибками, читается с захватывающим интересом. Она представляет собой публикацию сыном мемуаров отца, одного из основателей Думабуртон Окса, византиниста и ориенталиста Р. Блейка.

Блейк родился в 1886 г., учился в Гарварде и Берлине, а в 1914 г., влюбившись в замужнюю русскую женщину, приехал за ней в Россию и поступил в магистратуру в Санкт-Петербурге. Большую часть своей последующей жизни Блейк прожил как обычный американский профессор, но с 1914 по 1920 г. судьба сделала его свидетелем